

СООБЩЕНИЯ

М. С. АЛЬТМАН

ПЕСТРЫЕ ЗАМЕТКИ

А перед ним воображенье
Свой пестрый мечет фараон.

А. Пушкин

Следующие заметки посвящены очень частным вопросам и могут показаться не имеющими существенного значения для осмысления творчества Достоевского в целом. Я полагаю, однако, что это не так. В творчестве великого писателя значима каждая деталь, существенна каждая подробность. В долгой читателя с писателем дороге может, по выражению Гоголя, каждая веревочка пригодиться. Напомним еще, что любимым выражением не только Хохлаковой из «Братьев Карамазовых», но и самого творца «Братьев Карамазовых» было: «подробности, главное, подробности...»

Страшная мишень

В «Дневнике писателя» за 1873 г. Достоевский передает услышанный им рассказ: «Собрались мы в деревне, несколько парней... и стали промежду собой спорить: „кто кого дерзостнее сделает?“ Я по гордости вызвался перед всеми. Другой парень отвел меня и говорит с глазу на глаз:

— Это никак невозможно тебе, чтобы ты сделал, как говоришь. Хвастаешь.

Я ему стал клятву давать...

— Теперь скоро пост, говорит, стань говеть. Когда пойдешь к причастию — причастие прими, но не проглоти. Отойдешь — вынь рукой и сохрани. А там я тебе укажу.

Так я и сделал... Прямо из церкви повел меня в огороды. Взял жердь, воткнул в землю и говорит: „Положи!“ Я положил на жердь... Зарядил.

— Подыми и выстрели.

Я поднял руку и наметился. И вот только бы выстрелить, вдруг предо мною как есть крест, а на нем распятый. Тут я упал с ружьем в бесчувствии» (XI, 33).

Этот рассказ Достоевский сопровождает рассуждением о том, что подобные случаи у других народов невозможны, что это специфически «русский случай», больше того — «в высшей степени изображающий нам весь русский народ в целом»...

Рассказ Достоевского, конечно, интересный, но пояснение Достоевского к нему, по-моему, весьма сомнительное. Самые простые этнографические справки могут засвидетельствовать, что этот случай и не специфически русский и не исконно русский. О таком же случае сообщает замечательный знаток фольклора Н. Ф. Сумцов: «В Харьковской губернии я слышал такое поверье: чтобы сделаться искусным стрелком, нужно во время причащения удержать часть святых даров под языком, потом заделать их в кусочек дерева и носить при себе. Говорят, один человек так и поступил, но при стрельбе увидел пред собой распятого Спасителя. Это поверье принадлежит к числу тех поверий, которые можно считать заимствованными из западноевропейской демонологии».¹

Случай, рассказанный Сумцовым, сходен с рассказанным у Достоевского (сохранены даже такие подробности, как удержание причастия во рту и галлюцинация при выстреле), но побудительный мотив для выстрела совершенно иной. И правильно указан источник этого народного поверья — средневековая демонология. Что это именно так, достаточно напомнить, что уже в XV в., в известном памятнике средневекового мракобесия «Молот ведьм», рассказывается, как волшебник Цункер был дьяволом наделен меткостью в стрельбе за выстрел в образ Христа.

Но, может быть, скажут: пусть это поверье средневековое и не исконно русское, но не случайно же оно сохранилось в «новое время» только у русских? Нет, и это не так. И в XIX в., и почти одновременно со случаем, приведенным у Достоевского, мы имеем такие же поверья и у других народов.

Так, в 1879 г. один польский крестьянин, Матвей Мизерский, выстрелил в полевой крест. Побудило его к этому поверье о том, что удача на охоте обеспечена тому, кто на рождество или на пасху выстрелит в изображение Христа. Мизерский был охотником и разделял суеверия своих односельчан.²

Сходное суеверие отмечено и у чехов: если взять причастие, выстрелить частицами его в крест, тогда из него выступят три капли крови; если этой кровью смазать оружие, оно будет бить без промаха.³ Поверье, что для удачи в стрельбе на зверя нужно выстрелить в причастие или крест, распространено и в Германии.

¹ Сумцов Н. Ф. Культурные переживания. Киев, 1890, с. 392.

² Wisla, 1890, № 2, с. 695.

³ Там же.

Следовательно, случай, рассказанный Достоевским, представляет интерес лишь как свидетельство живучести пережитков, но отнюдь не является национально русским, и указание Достоевского, что в основе этого поверья лежит якобы присущая русскому народу жажда страдания, неправомерно.

Галлюцинация Достоевского («Хлебный волк»)

В очерке «Мужик Марей» (в «Дневнике писателя» за 1876 г.) Достоевский вспоминает о пережитой им галлюцинации: «Мне припомнился август месяц в нашей деревне <...> Я прошел за гумна и, спустившись в овраг <...> забился гуще в кусты и слышу, как недалеко, в шагах тридцати на поляне, одиноко пашет мужик <...> Вдруг, среди глубокой тишины, я ясно и отчетливо услышал крик: „Волк бежит!“ Я вскрикнул и вне себя от испуга, крича в голос, вбежал на поляну прямо на пашущего мужика <...>

— Волк бежит! — прокричал я, задыхаясь <...>

— Что ты, что ты, какой волк, померещилось; вишь! Какому тут волку быть!..

Я понял, наконец, что волка нет и что мне крик: „волк бежит“ померещился» (XI, 188—189).

Описанная Достоевским галлюцинация приключилась с ним в селе Даровом Тульской губернии. Достоевский был тогда девятилетним мальчиком. Такой же галлюцинацией Достоевский в «Подростке» наделяет дворовую девочку Соню, о которой крестьянин Макар Иванович рассказывает, что она «раз волка испугалась, бросилась ко мне, вся трепещет, а и никакого волка не было» (13, 330).

Достоевский, наделив этой «своей» галлюцинацией крестьянскую девочку, имел на это достаточно оснований, ибо источник этой галлюцинации — народные крестьянские поверья, распространенные во многих странах. Вот что об этом сообщает этнограф Джордж Фрэзер: «Представление о духе хлеба в облике волка или собаки является общераспространенным во Франции, в Германии и славянских странах. Так, например, когда ветер качает колосья, когда хлеб в поле похож на волнующееся море, крестьяне часто говорят: „Волк проходит по хлебу или через хлеб“, „ржаной волк несется по полю“, „волк сидит в хлебе“ <...> Когда дети хотят идти в поле рвать колосья или собирать васильки, их предупреждают, что „жирный пес сидит в хлебе“, или что „волк сидит в хлебе и растерзает тебя на клочки“ <...> В Силезии, когда жнецы собираются вокруг последних колосьев, чтобы их сжать, про них говорят, что они собираются „поймать волка“.

В разных частях Мекленбурга, где вера в хлебного волка особенно сильна, все боятся жать последние колосья, ибо, по общему поверью, именно в них сидит волк <...> В Германии как будто

общепринятым является выражение, что „волк сидит в последнем снопе“. В некоторых местах кричат жнецу: „Берегись волка“ или: „Прогони хлебного волка!“ <...> Во Франции также фигурирует жатвенный волк. Жнецу, убирающему последний хлеб, здесь иногда кричат: „Ты поймаешь волка“. Около Шамбери вокруг последних колосьев, стоящих еще на корню, жнецы устраиваются в кружок и кричат: „Здесь притаился волк!“»⁴

Вот эти-то крестьянские поверья о «хлебном волке» объясняют галлюцинацию жившего в деревне мальчика Феди и крестьянской девочки Сони. Эти же поверья осмыслиют и то, почему в народе снопы назывались «князьями Волконскими», что, между прочим, нашло отражение и в насквозь фольклорной поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», где мы читаем: «А по лугу <...> / Стоят „князья Волконские“». ⁵ «Князья Волконские» — это снопы; «Волконские», по народной этимологии собственных имен, — от слова «волк», а «князь» означает также, как указывается и в словаре Даля, «хлебный колос, полнее и выше прочих». ⁶

Впрочем, галлюцинация Достоевского связана не только с народными поверьями. Некоторые психоаналитики (например, И. Нейфельд) усматривали в образе волка двойника отца Достоевского, но более правдоподобно видеть в нем двойника его самого. В этой связи напомним характеристику, которую дает Достоевскому Н. К. Михайловский в статье «Жестокий талант»: «...никто в русской литературе не анализировал ощущений волка, пожирающего овцу, с такой тщательностью, глубиной, с такою, можно сказать, любовью, как Достоевский <...> он рылся в самой глубокой глубине волчьей души». И не только самого Достоевского, но и его литературных героев Н. К. Михайловский готов принять за каких-то волчьих оборотней: «Это <...> целый питомник волков разнообразных пород <...> изучение волчьей природы представляет для него нечто самодовлеющее». ⁷

Сказанное небезынтересно дополнить и тем, что мальчика Федю окончательно избавляет от страха перед призрачным волком выбежавшая ему навстречу дворовая собака Волчок: живой Волчок противопоставлен призрачному волку.

«Баня»

Говоря языком высоких образов и метафор, баню, где моются, *чистятся*, можно было бы назвать средней из трех дантовских сфер — Чистилищем, но Достоевский в «Записках из Мертвого

⁴ Фразер. Золотая ветвь, вып. III, 1928, с. 162—164.

⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. III. М., 1949, с. 307.

⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, с. 126.

⁷ Михайловский Н. К. Литературно-критические статьи. М., 1957, с. 186, 187.

дома» приравнивает ее даже к первой дантовской сфере — Аду: «Когда мы растворили дверь в самую баню, я думал, что мы вошли в ад» (4, 98).

И много лет спустя, в письме к Н. Н. Страхову о замысле «Игрока», Достоевский снова, в связи с баней из «Мертвого дома», вспоминает «ад»: «Ведь был же любопытен Мертвый дом. А это — описание своего рода каторжной бани» (П., I, 384).

Но «баня» для Достоевского не только подобие ада, но подчас и всей вечности. Вот как об этом говорит Раскольникову само «исчадие ада», Свидригайлов: «Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное! <...> И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там всего одна комнатка, эдак вроде деревенской бани...» (6, 221).

Напомним еще, что сын Лизаветы Смердящей, Смердяков, родился в бане, и слуга Карамазова, Григорий, говорит Смердякову: «Ты разве человек <...> ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто...» (14, 114).

Жужжащая муха

Очень скоро после убийства процентщицы Раскольникову снится, что он снова в ее комнате: «И всё тишина. Вдруг послышался мгновенный сухой треск, как будто сломали лучинку, и всё опять замерло. Проснувшаяся муха вдруг с налета ударилась об стекло и жалобно жужжала». И вслед за этим появляется Свидригайлов, когда Раскольников еще окончательно не проснулся. «„Сон это продолжается или нет“, — думал он <...> Было еще светло, но уже вечерело. В комнате была совершенная тишина <...> Только жужжала и билась какая-то большая муха, ударяясь с налета об стекло. Наконец, это стало невыносимо...» (6, 213, 214).

Так же зловеще жутко появление мухи перед князем Мышкиным и Рогожиным у кровати только что убитой Настасьи Филипповны: «Князь глядел и чувствовал, что чем больше он глядит, тем еще мертвее и тише становится в комнате. Вдруг жужжала проснувшаяся муха, пронеслась над кроватью и затихла у изголовья. Князь вздрогнул» (8, 503).

В том же романе Достоевского «Идиот» упоминается о мухах и в рассказе Епанчина о том, как некая старуха умирала в то самое время, когда он ее отчитывал: «Только смотрю, представляется что-то странное: сидит она, лицо на меня уставила, глаза выпучила и ни слова в ответ, и странно, странно так смотрит, как бы качается <...> Я постоял в нерешимости; мухи жужжали, солнце закатывается, тишина...» Спустя некоторое время Епанчин, узнав от своего денщика, что старуха умерла как раз тогда, когда он ее отчитывал, крайне этим смущен и думает о жизни старухи: «Полный пас, всё в трубу вылетело, осталась одна,

как... муха какая-нибудь, носящая на себе от века проклятие» (8, 126).

Почему муха «носит на себе от века проклятие» — этому никаких соответствий в народных поверьях (по крайней мере, нового времени) я не нашел, но примечательно, что Вельзевул, одно из названий дьявола, означает — «Владыка мух». Напомню также, что одна из казней египетских было нашествие песьих мух.

Тишина от луны

Влекомый каким-то инстинктом, Раскольников тайком навещает квартиру убитой им процентщицы: «... тихонько, на цыпочках вошел он в гостиную: вся комната была ярко облита лунным светом <...> Огромный, круглый, медно-красный месяц глядел прямо в окна. „Это от месяца такая тишина, — подумал Раскольников, — он, верно, теперь загадку загадывает“. Он стоял и ждал, долго ждал, и чем тише был месяц, тем сильнее стучало его сердце<...> И всё тишина» (6, 213).

Этот образ из арсенала Достоевского использован К. Д. Бальмонтом в стихотворении «Лунное безмолвие»:

В лесу безмолвие возникло от Луны...⁸

И у Достоевского, и у Бальмонта тишина не при луне, а от луны: луна тишину не просто сопровождает, но и рождает.

Зловещая челюсть

Описывая в «Бесах» «последнее путешествие» Степана Трофимовича Верховенского, Достоевский упоминает и о том, что, заболев в пути, Степан Трофимович «видит во сне какую-то раскрытую челюсть и что ему это очень противно» (10, 492).

Что сей сон значит и почему он Верховенскому так противен? Да потому, что, по народному поверью, челюсти символизируют крайнюю степень опасности, близость гибели, смерти.⁹

В свете этого поверья становятся понятными наименования в рассказе Чехова «Страшная ночь», действие которого происходит в Успении на Могильцах и Мертвом переулке, а действующие лица с зловещими фамилиями — Панихидин, Упокоев, Погостов, Кладбищенский, Черепов, а фамилия гробовщика — *Челюстин*...¹⁰

Стилистическая «лестница»

В «Селе Степанчикове» Фома Опискин, предлагая Ростаневу покаяться за непочтительное отношение к матери, говорит: «Вы бы должны были вырвать с корнем волосы из головы своей и

⁸ См.: Бальмонт К. Д. Будем как Солнце. М., 1903, с. 14.

⁹ См. об этом: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1955, с. 589.

¹⁰ См.: Чехов А. П. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1975, с. 139—145.

испустить ручьи <...> что я говорю! реки, озера, моря, океаны слез!» (3, 10).

Такая же стилистическая фигура и в «Господине Прохарчине»: «Спор наконец дошел до нетерпения, нетерпение до криков, крики даже до слез...» (1, 254—255). И там же: «питать подобные мысли<...> во-первых, бесполезно, во-вторых, не только бесполезно, но даже и вредно; наконец, не столько вредно, сколько даже совсем безнравственно» (1, 254).

Аналогично и в «Скверном анекдоте»: «...я гуманен, следовательно, меня любят. Меня любят, стало быть, чувствуют доверенность, чувствуют доверенность, стало быть, веруют; веруют, стало быть, любят...» (5, 9).

Пародируя этот стилистический прием Достоевского, а также и его рассказ «Крокодил», журнал «Искра» в надписи к карикатуре с изображением гробницы писал: «— Боже мой! Что же это такое: за решеткою и еще под одеялом.

— Это, сударыня, обширная гробница. Здесь покоится тело Крокодила... Крокодил этот проглотил Ивана Матвеича, Иван Матвеич проглотил дарование Федора Михайловича; Федор Михайлович проглотил четыре книжки „Эпохи“, а каждая из этих четырех книжек проглотила по две книжки „Библиотеки для чтения“...»¹¹

À propos de bottes¹²

В древности трагики выступали на котурнах, в новое время в трагических ролях можно выступать и в сапогах, а подчас даже и... из-за сапог. Так, Маяковский писал в поэме «Облако в штанах»:

Что мне до Фауста,
 феерией ракет
скользящего с Мефистофелем в небесном паркете!
Я знаю —
 гвоздь у меня в сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гете!¹³

Как не вспомнить при этих словах Маяковского изречение Козьмы Пруткова: «Воображение поэта, удрученного горем, подобно ноге, заключенной в новый сапог».¹⁴

И Горький в «Жизни Клима Самгина» о людях в тесных сапогах рассказывает: «Я очень много видел таких: один духобор — хороший человек был, но ему сшили тесные сапоги, и, знаете, он так злился на всех, когда надевал сапоги, — вы не смейтесь!

¹¹ Искра, 1865, № 32.

¹² À propos de bottes — буквально: по поводу сапог; в переносном смысле: из-за пустяков (франц.).

¹³ Маяковский В. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1955, с. 183.

¹⁴ Козьма Прутков. Полн. собр. соч. М.—Л., 1965, с. 122.

Это очень... даже страшно, что из-за плохих сапог человеку все делается ненавистно».¹⁵

Напомним, что сапоги, «как тема и даже проблема», «фигурировали» в русской литературе задолго до Горького и Маяковского. Уже Гоголь в «Шинели», говоря о фамилии Башмачкина, указывает, что она «когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого неизвестно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки».¹⁶

И сам герой «Шинели» то и дело, кстати и некстати, говорит о сапогах. Сапогами же совершенно неожиданно Гоголь заключает 7-ю главу первой части «Мертвых душ», рассказывая о соседе Чичикова в гостинице, приехавшем из Рязани поручиком, который был «большой, по-видимому, охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятую».¹⁷

Эта «сапожная» тема, и явно по следам Гоголя, еще более развернута в первом романе Достоевского «Бедные люди». Его герой, Макар Деушкин, пишет Вареньке Доброселовой: «...сапоги новые, например, с таким сладострастием надеваешь <...> приятно видеть свою ногу в тонком щегольском сапоге» (1, 62).

Сугубое внимание, которое в романе Достоевского уделено сапогам, очень зло, но с полным основанием было высмеяно в критических отзывах о «Бедных людях». Так, в «Северной пчеле» мы читаем: «Заметим, что Деушкин в большей части писем своих беспрестанно толкует о бедственном положении своей обуви, о сапогах своих. Это его *idée fixe*. С сапогами своими он никак не может расстаться. Он всё с ними носит и возится так, что весь роман, можно сказать, написан *à propos de bottes*. В одном месте Деушкин говорит даже: „маточка, все мы, родная моя, выходим немного сапожники“».¹⁸

Показательно, что в старинном, восходящем к Евангелию, выражении — «отрясти прах с ног» — Фома Опискин заменяет слово «ноги» словом «сапоги»: «...я отрясу прах с моих сапогов на пороге этого дома». На это ему Ростанев резонно отвечает: «Нечего говорить про прах и сапоги» (3, 84).

И сам рассказчик там же говорит о помещике Бахчееве, что тот его окинул «брезгливым взглядом с головы до сапог» (3, 20). Здесь устами рассказчика говорит уже сам Достоевский, любивший вариации стандартных выражений.

¹⁵ Горький М. Собр. соч., т. 20. М., 1952, с. 358.

¹⁶ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч., т. III. М.—Л., 1938, с. 142.

¹⁷ Там же, т. VI, 1951, с. 153.

¹⁸ Северная пчела, 1846, 30 января, № 25. Об этом см. также: Виноградов В. Школа сентиментального натурализма. Роман Достоевского «Бедные люди» на фоне литературной эволюции 40-х годов. — В кн.: Виноградов В. Эволюция русского натурализма. Л., 1929, с. 360—361.

Нос и ... хлеб

В рассказе Достоевского «Господин Прохарчин» Семен Иванович Прохарчин говорит Марку Ивановичу: «Ты, ты, ты глуп! <...> Нос отъедят, сам с хлебом съешь, не заметишь...» (1, 255).

Какой странный фантастический образ: нос с... хлебом. Но этот образ у Достоевского тоже из арсенала Гоголя. Мы его уже находим в «Носе» Гоголя, в рассказе о том, как цирюльник Иван Яковлевич, «разрезавши хлеб на две половины <...> ковырнул осторожно ножом и пощупал пальцем <...> и вытащил — нос! <...> Он узнал, что этот нос был не чей другой, как коллежского асессора Ковалева». И изумленный цирюльник раздумывает: «...присшествие несбыточное; ибо хлеб дело печеное, а нос совсем не то».¹⁹

Физиономия дома

Каков Дёма, таково у него и дома.

Поговорка.

«Случалось мне слышать и читать, — говорит Лев Толстой, — что по устройству дома, расположению комнат как-то можно узнавать характер хозяина».²⁰

Да, «можно узнавать...», и об этом действительно многие писали. Так, например, в «Афоризмах» Г. К. Лихтенберга мы читаем: «Я всегда придавал своей комнате более важное значение, чем другие люди. Значительная часть наших идей зависит от ее расположения: она, так сказать, второе наше тело...»²¹

Об этом же пишет в своих воспоминаниях и Максим Горький: «...я вспомнил о книге, <которую читал вотчим>, достал ее, и прочитал начальную строку: „Дома — как люди: каждый имеет свою физиономию“. Это удивило меня своей правдой <...> Это был роман Ксавье де Монтепэна».²² Сходство домов с их обитателями Горький в тех же воспоминаниях подчеркивает еще раз: «„У всех людей, которые долго живут в одном доме, лица становятся одинаковыми“, — сказал он <вотчим>; я записал это в свою тетрадь».

Связь домов и квартир с их обитателями (Маниловым, Собакевичем, Коробочкой) подчеркивает и Гоголь. А описывая местожителство генерала Ермолова, когда он уже был в отставке, Ю. Н. Тынянов заметил: «Уже самый дом несколько поражал

¹⁹ Гоголь И. В. Полн. собр. соч., т. III, с. 50.

²⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1935, с. 114.

²¹ Лихтенберг Г. К. Афоризмы, т. I. М., 1935, с. 114.

²² Горький М. Полн. собр. соч., т. 13. М., 1951, с. 325. — Здесь речь идет о книге Ксавье де Монтепэна «Трагедия Парижа», напечатанной в 1876 г. в серии «Переводы отдельных романов». О том, с каким интересом Горький этот роман читал, см.: Груздев И. Горький и его время. Изд. 3-е. М., 1962, с. 41—42.

своей наружностью, он вдвигался в сад. Корпус был приземист, окна темноваты, парадная дверь тяжела и низка <...> Дверь глядела исподлобья, поддавалась туго и готова была каждого гостя вытолкнуть обратно, да еще и прихлопнуть».²³

Показательно, что у многих писателей «дом» фигурирует даже и в самих названиях произведений: «Холодный дом» Диккенса, «Кукольный дом» («Нора») Ибсена, «Дом, где разбиваются сердца» Бернарда Шоу, «Домик в Коломне» Пушкина, «Дом с мезонином» Чехова, «Записки из Мертвого дома» Достоевского.²⁴

У Достоевского не только тщательно описывается местожителство его героев, но и особенно подчеркивается связь домов и квартир с образом жизни и мысли их обитателей. Так, в «Преступлении и наказании» Пульхерия Александровна Раскольников говорит сыну: «Какая у тебя дурная квартира <...> я уверена, что ты наполовину от квартиры стал такой меланхолик», на что тот отвечает: «Да, квартира много способствовала...» (6, 178).

А о зале в квартире купца Самсонова из «Братьев Карамазовых» Достоевский говорит, что это была «огромная, угрюмая, убивавшая тоской душу комната» (14, 334). И на сей раз комната в полном соответствии с характером угрюмого Самсонова.

Особенно много внимания уделено в романе «Идиот» дому Рогожина. Ипполит Терентьев говорит, что дом Рогожина «похож на кладбище, а ему, кажется, нравится, что, впрочем, понятно: такая полная, непосредственная жизнь, которую он живет, слишком полна сама по себе, чтобы нуждаться в обстановке» (8, 338).

Еще более обстоятельно и проникновенно говорит об этом Мышкин. Вот он впервые направляется к Рогожину: «Один дом, вероятно, по своей особенной физиономии еще издали стал привлекать его внимание <...> Дом этот был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвета грязно-зеленого <...> И снаружи и внутри как-то негостеприимно и сухо, все как будто скрывается и таится, а почему так кажется по одной физиономии дома — было бы трудно объяснить. Архитектурные сочетания линий имеют, конечно, свою тайну» (8, 170).

Здесь уместно напомнить, что в Инженерном училище, когда там обучался Достоевский, читался специальный курс по истории архитектуры, и Достоевский уже тогда проникся большим интересом к зодчеству и к «тайне архитектурных линий». И герой Достоевского, князь Мышкин, войдя в дом Рогожина, говорит хозяину: «Твой дом имеет физиономию всего вашего семей-

²³ Тынянов Ю. Соч., т. 2. М.—Л., 1959, с. 22.

²⁴ Ср. также «Домик на Перерытице» (Рассказы о Достоевском) М. Полякова (М., 1960).

ства и всей вашей рогожинской жизни <...> как увидал его, так сейчас и подумалось: „Да ведь такой точно у него и должен быть дом!“» (8, 172).

«Организация»

О городских толках, в связи с убийством Шатова и поджогами, хроникер «Бесов» пишет: «... дело это еще не кончено. Теперь, три месяца спустя, общество наше отдохнуло, оправилось, отгулялось, имеет собственное мнение <...> „Организация-с!“ — говорят в клубе, подымая палец кверху» (10, 512).

Хроникер «Бесов» иронизирует над словом «организация», а меж тем это определение вполне соответствующее: подпольный студенческий кружок в Сельскохозяйственной академии в Петербурге, отчасти описанный в «Бесах», в котором участвовали нечаевцы, носил название — «Организация», и Достоевский об этом знал.

В подражание Офелии Шекспира и Лизе Карамзина

В «Братьях Карамазовых» мы читаем: «... знал же я одну девицу <...> которая <...> в бурную ночь бросилась с высокого берега, похожего на утес, в довольно глубокую реку и погибла в ней решительно от собственных капризов, единственно из-за того, чтобы походить на шекспировскую Офелию <...> что будь этот утес <...> не столь живописен и будь на его месте лишь прозаический, плоский берег, то самоубийства, может быть, не произошло бы вовсе. Факт этот истинный...» (14, 8).

«Факт этот истинный», — говорит Достоевский, а мы добавим — и типичный. Ведь еще в конце XVIII в., после появления «Бедной Лизы» Карамзина, ставшей очень популярной, эффектная смерть героини Карамзина соблазнила многих юных читательниц, которые, возмнив себя сходными с пей, копчали с собой, бросаясь в пруды и реки. Их было столько, что в 1792 г. даже появилась эпиграмма:

Здесь бросилась в пруд Эраста невеста.
Топитесь, девушки: в пруду довольно места.²⁵

Но для иронического рассказа об утонувшей девушке у Достоевского, помимо литературной традиции, были еще и личные, его самого касающиеся причины.

В «Дневнике» жены Федора Михайловича, Анны Григорьевны, имеется следующая запись, сделанная ею в 1867 г.:

«Мне представилось, что он <Федор Михайлович> меня разлюбил и, уверившись, что я такая дурная и капризная, нашел, что он слишком несчастлив и бросился в Шпрее... Когда я расска-

²⁵ Русская эпиграмма второй половины XVIII—начала XX в. Л., 1975, с. 186.

зала ему все мои страхи, он страшно смеялся и сказал, что надо иметь очень мало самолюбия, чтобы броситься и утонуть в Шпрее в этой маленькой, ничтожной речонке».²⁶

Каламбур по Достоевскому

Когда в «Бесах» Достоевского дамы преподносят Кармазинову (а в его лице, как известно, изображен И. С. Тургенев) лавровый венок, он, хотя венок и принимает, но при этом говорит: «...считаю в наш век лавры гораздо уместнее в руках искусного повара, чем в моих...» (10, 370).

50 лет спустя совершенно сходным образом каламбурит в «Послании пролетарским поэтам» (1926) и Маяковский:

розданные
Луначарским
венки лавровые,
Сложим
в общий
товарищеский суп.²⁷

Буки и Буди

В «Дыме» Тургенева (гл. V) мы читаем: «Вот хоть бы славянофилы <...> прекраснейшие люди, а та же смесь отчаяния и задора, тоже живут буквой „буки“. Всё мол будет, будет. В личности ничего нет, и Русь в целые десять веков ничего своего не выработала, ни в управлении, ни в суде, ни в науке, ни в искусстве, ни даже в ремесле... Но постойте, потерпите: всё будет».²⁸

Не с этим ли тургеневским «буки», означаящим осмеяние веры в сомнительное будущее, исступленно полемизирует Достоевский, назвав целую главу в «Братьях Карамазовых» (кн. вторая, гл. V) — «Буди, буди» и слово это («буди») дважды патетически произносит старец Зосима и дважды благоговейно повторяет отец Паисий (14, 58, 61).

И. З. БЕЛОБРОВЦЕВА

МИМИКА И ЖЕСТ У ДОСТОЕВСКОГО

При том обостренном внимании к микроскопическому движению души и сознания, которое свойственно Достоевскому, не менее значим для него был и пластический рисунок поведения его

²⁶ Достоевская А. Г. Дневник 1867 г. М., 1923, с. 13.

²⁷ Маяковский В. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1958, с. 151—152.

²⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч., т. IX. М., 1965, с. 170.